Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Рельефная «мегарская» чаша с Елизаветинского городища

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко¹

Аннотация. В статье рассматривается рельефная «мегарская» чаша, случайно найденная на территории меотского городища в станице Елизаветинской (Прикубанский округ г. Краснодара). Сосуд принадлежит к классу рельефных чаш с растительным и цветочным орнаментом. Распределение орнамента по горизонтальным зонам характерно для чаш «эфесско-ионийской» группы, а форма и пропорции сосуда более соответствуют аттическим образцам. Хронология чаши по морфологическим и орнаментальным признакам определяется в пределах последней четверти III — первой четверти II в. до н. э.

Annotation. The article is devoted to a moldmade “megaron” bowl accidentally found at the territory of Maeotian fortified settlement at Elizavetinskaya Cossack village (Prikubansky District of Krasnodar city). The vessel is attributed to the class of relief bowls with vegetal and floral ornament. The allocation of the ornament in horizontal zones is peculiar to bowls of “Ephesian-Ionian” group. Its shape and proportions are more compliant to Attic examples. By morphological and ornamental attributes the bowl is dated to the last quarter of the 3rd century BC — the first quarter of the 2nd century BC.

Ключевые слова: Прикубанье, меотская культура, рельефная «мегарская» чаша, атрибуция, хронология.

Keywords: Kuban region, Maeotian culture, moldmade relief “megaron” bowl, attribution, chronology.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-308-313

Станица Елизаветинская, расположенная на западной окраине г. Краснодара, известна в археологической науке по комплексу памятников меотской культуры, связанной с древним местным населением Прикубанья. Здесь, на правой высокой террасе р. Кубань, находится одно из крупнейших меотских городищ, обозначенное на карте М. В. Покровского и Н. В. Анфимова под № 4 как открытое ими в 1928 г. (Покровский, Анфимов, 1937. С. 266). В его юго-восточной части, под защитой рва и вала, стоят знаменитые курганы, принадлежащие

верхушке меотской знати, которые в 1912–1915 и 1917 гг. раскапывал Н. И. Веселовский. С северо-западной стороны к городищу примыкают грунтовые могильники. В советское время на памятнике вели работы Ю. С. Крушкол, В. А. Городцов, М. В. Покровский, В. И. Шилов, Н. В. Анфимов и И. Н. Анфимов. Материалы из этих раскопок хранятся в разных музеях (Гос. Эрмитаж, МАЭ, КГИАМЗ). Обширная коллекция древних предметов, собранных на этом памятнике за многие годы местными жителями, находится в музее станичной школы. Основную ее часть составляет керамика (как целые формы, так и фрагменты): сероглиняные и лепные сосуды меотского производства, амфоры, чернолаковая посуда.

Среди этого разнообразия находок специального внимания заслуживает рельефная

¹ Н. Ю. Лимберис — ст. науч. сотрудник; И. И. Марченко — канд. ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, НИИ археологии Кубанского ГУ; Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, 350040, Россия; e-mail: meot@mail.ru.

Рис. 1. Рельефная чаша с Елизаветинского городища
Fig. 1. Relief bowl from Elizavetinskaya fortified settlement

«мегарская» чаша, которая сохранилась практически полностью, так как, вероятно, происходит из разрушенного при земляных работах погребения (рис. 1). Сосуд был найден в раздавленном виде и склеен, утрачен только небольшой фрагмент края.

Чаша полуяйцевидной формы, тонкостенная, имеет вертикальный край, профилированный плоским валиком между двумя желобками, и рельефное дно. Медальон, окруженный проточенной бороздкой, представляет собой розетку из четырех овальных и четырех остроконечных лепестков, расположенных крестообразно вокруг центральной

выпуклой окружности. От него отходит «корона» из восьми листьев аканфа с закрученными вправо верхушками, которые чередуются с остроконечными бутонами (или листочками нимфеи) на стебельках из точек, у основания бутонов — парные «усики» и тонкие перистые листочки (прилистники), закрученные в разные стороны. Выше расположен пояс из соединенных попарно по вертикали маленьких трилистников и сердцевидных листочков плюща, над которыми проходит пояс из «ов», отделенных сверху и снизу точечными линиями. Над «овами» — широкая, направленная влево, гирлянда из

чередующихся попарно листьев плюща, винограда и тонких «усиков», концы которых закручены вправо. По горизонтали гирлянда разделена тонкой линией, с маленькими многолепестковыми розетками между виноградными листьями. Выше гирлянды проходит поясok «ов», ограниченный снизу и сверху узкими желобками. Изнутри и снаружи сосуд имеет бурое матовое покрытие, по краю снаружи — тусклое черное, с подтеками. Глина светло-коричневая, с мельчайшими примесями белого цвета и блестками золотистой слюды. Высота чаши 9 см, диаметр 13,4 см.

Сосуд принадлежит к классу рельефных чаш с растительным и цветочным орнаментом (*Class III: bols à décor uniquement végétal et floral*) по классификации Ф. Курби (*Courby*, 1922. Р. 334–337). Этой классификации, в основном, и придерживаются исследователи, несколько изменяя и уточняя названия.

Розетка чаши из школьного музея обыкновенная, 8-лепестковая, но лепестки разной формы. Оформление стенок в нижней части (т. н. корона) пышными листьями аканфа в сочетании с другими растительными элементами весьма характерно как для «растительных», так и для «фигурных» чаш. Несколько усложненной выглядит обвивающая чашу гирлянда, сочетающая листья винограда и плюща с маленькими розетками. Гирлянду ограничивают пояски из «ов», которые являются типичным узором, встречающимся на чашах разных центров производства.

Распределение орнамента по горизонтальным зонам характерно для рельефных чаш т. н. делосской группы, которые хорошо известны в северопричерноморском регионе. Глина их серая или коричневая, плотная, без примесей, с редкими блестками кварца. Лак матовый, с небольшим блеском, цвет варьирует от черного до коричневого и красного (Лосева, 1962. С. 197; Усачёва, 1978. С. 101). Хотя делосское производство чаш в основном было принято исследователями, тем не менее по ряду существенных причин оно неоднократно подвергалось сомнению. В настоящее время реальной выглядит локализация, по крайней мере, 10 мастерских по производству

чаш «делосского» типа в крупнейшем полисе Ионийской Греции — Эфесе (Внуков, Коваленко, 1998. С. 62, 66).

Начало производства аттических рельефных чаш с растительным орнаментом (*floral bowls*) относится к последней четверти III в. до н. э. (Rotroff, 1982. Р. 17–18). В этой группе чаш с Афинской агоры также встречаются экземпляры с горизонтальным делением орнамента, в том числе и с гирляндой, ограниченной бороздками, сочетающей листья винограда и плюща с маленькими розетками. Датировка их приблизительно ограничивается 225–175 гг. до н. э. (Там же. Р. 52, pl. 12, 68, 71). Для чаш аттического производства характерны проточенные бороздки у края и вокруг розетки, окрашенные свинцовым суриком. Венчик гладкий, плавно отогнутый (однако встречается и вертикальный край). Глина светлая, красно-коричневая, светло-коричневая или розовая, с небольшой примесью слюды, одинаковая для всех групп аттических рельефных чаш; ее состав не является хронологическим признаком. Лак чаш конца III — первой четверти II в. до н. э. обычно тонкий, с блеском, или «металлический», тонкий и тусклый во второй четверти II в. и позднее, хотя бывают исключения (Там же. Р. 14–15).

Среди «лиственных» чаш (*foliage bowls*) из Коринфа выделяются два фрагмента с «круговой композицией» (*encircling composition*), на которых гирлянды плюща расположены в свободном поле или ограничены рельефными линиями. Они датируются около 175 г. до н. э. Коринфская глина (в том числе и та, из которой изготовлена рельефная керамика) очень светлая, разных оттенков (Edwards, 1975. Р. 10, 161–162, pl. 66, 793, 794).

В эллинистическое время рельефные чаши широко импортировались (в основном из Ионии) в Северное Причерноморье, где приобрели популярность как у греческого, так и варварского населения Боспора (Вахтина, 2018. С. 220–221). Как полагают исследователи, в Северо-Западный и Центральный Крым «мегарские» чаши поступали через Ольвию и Керкенидиду до последних десятилетий II в. до н. э. Позднее импорт товаров этого рода

был вытеснен собственной продукцией Боспора и Херсонеса (Внуков, Коваленко, 1998. С. 74). На азиатской стороне Боспора находки «мегарских» чаш также обычны для греко-варварских некрополей и бытовых памятников (Коровина, 1987. С. 81–83, рис. 10, 11; Алексеева, 1997. Табл. 66, 19; 87, 2–4, 6, 7; Лимберис, Марченко, 2010. С. 158, рис. 3, 7, 8; Журавлёв, Захаров, 2016. С. 224, рис. 2).

На варварскую периферию Боспора подобные сосуды (как и другие импортные предметы) попадали заметно реже. Хотя ареал распространения рельефных чаш в Прикубанье довольно широк, представлены они, в основном, отдельными фрагментами из культурных слоев городищ и случайными находками, и в целом в памятниках местного населения (как меотов, так и сарматов) встречаются нечасто (Анфимов Н., 1986. С. 183, рис. 1, 1; Анфимов И., 1986. С. 194, рис. 3, 2; Лопатин, Малышев, 2002. С. 39; Цокур, 2004. С. 131, рис. 6, 35). Чаши «делосской» (или «эфесско-ионийской») группы известны из погребений последней четверти II в. до н. э. Старокорсунского могильника № 2. Это, пожалуй, единственный меотский памятник, где рельефные «мегарские» чаши были встречены в хорошо документированных комплексах, в том числе с родосской амфорой с клеймом эпонима Кленострата, деятельность которого относится приблизительно к 126 г. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2000. С. 4–18; Finkielsztejn, 2001. Р. 156, 195, tabl. 12, 21; Лимберис, Марченко, 2005. С. 227–228, рис. 26, 27, 36, 1–5). Из могильника Елизаветинского городища, кроме рассматриваемого нами сосуда, происходит несколько фрагментов из случайных находок, но только одна целая «фигурная» чаша была найдена при раскопках В. А. Городцова в погребении 23 1934 г. Эта чаша, украшенная мифологическими сценами, была изготовлена в мастерской Кирбея, которую ранее связывали с северопричерноморским регионом, а в настоящее время предположительно локализуют в Смирне, где она активно работала в течение двух последних десятилетий II в. до н. э. (Городцов, 1935. С. 74–75, рис. 2; Лосева, 1962. С. 201–203; Усачёва, 1978. С. 101; Коваленко, 1987. С. 79; Внуков, Коваленко, 1998. С. 71).

По зональной структуре и смешанному характеру растительного орнамента (в среднем поясе — гирлянда с листьями винограда и плюща, разделенными закрученными в разные стороны «усиками») чаше из школьного музея наиболее близок сосуд из разрушенного кургана у хутора Ковалевский в Закубанье, который отличается отогнутым венчиком. Исследователи относят его к средиземноморскому производству и датируют второй четвертью — серединой II в. до н. э. (Лопатин, Малышев, 2002. С. 38–39).

О конкретном происхождении чаши из Елизаветинской трудно судить, но по форме и пропорциям она мало похожа на сосуды «делосско-ионийской» группы, а более соответствует аттическим образцам. Среди чаш из раскопок Афинской агоры есть экземпляр аналогичной формы и очень близкий по размерам (Rotroff, 1982. Р. 51, pl. 10, 92, 62). Не очень качественное лаковое покрытие, цвет и состав глины также не могут рассматриваться в качестве признаков, полностью исключающих возможность принадлежности «школьной» чаши к аттическому производству. Хронология чаши по морфологическим и орнаментальным параметрам, скорее всего, может быть определена в пределах последней четверти III — первой четверти II в. до н. э.

«Случайная» находка рельефной чаши на Елизаветинском городище, на самом деле, вовсе не представляется случайной. И не только потому, что здесь известны чаша Кирбея из Смирны и несколько отдельных фрагментов (причем эти находки относятся уже к концу II в. до н. э., а «школьная» чаша, как мы думаем, более ранняя). Неслучайным является само присутствие дорогостоящих (для меотов) импортных сосудов на крупном городище, где с конца IV по первую половину I в. до н. э. существовала торговая фактория боспорян (Анфимов Н., 1966. С. 161; Кошеленко и др., 2010. С. 277, 280). Торгово-экономическая деятельность греческого эмпория, несомненно, оказывала и заметное культурное влияние на жизнь местного населения городища, способствуя развитию и расцвету меотской культуры в целом.

- Алексеева, 1997 — Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 559 с.
- Анфимов Н., 1966 — Анфимов Н. В. Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2. С. 157–165.
- Анфимов Н., 1986 — Анфимов Н. В. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 183–190.
- Анфимов И., 1986 — Анфимов И. Н. Погребальный комплекс II в. до н. э. у хут. Элитный (Краснодарский край) // Там же. С. 190–197.
- Вахтина, 2018 — Вахтина М. Ю. Две «мегарские» чаши из порфмийского некрополя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. № 3. С. 215–223.
- Внуков, Коваленко, 1998 — Внуков С. Ю., Коваленко С. А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье / Отв. ред. Д. В. Журавлёв. М.: ГИМ, 1998. С. 61–76. (Труды ГИМ. Вып. 102).
- Городцов, 1935 — Городцов В. А. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. // СЭ. 1935. № 3. С. 71–76.
- Журавлёв, Захаров, 2016 — Журавлёв Д. В., Захаров Е. В. Свинцовая гиря с поселения Голубицкая 2 // ДБ. М., 2016. Вып. 20. С. 222–228.
- Коваленко, 1987 — Коваленко С. А. К вопросу о происхождении рельефных чаш с надписью “KURBEI” // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1987. № 6. С. 70–80.
- Коровина, 1987 — Коровина А. К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965 гг.) // Культура и искусство Боспора / Под общ. ред. И. Е. Даниловой. М.: Советский художник. 1987. С. 71–109 (Сообщения ГМИИ. Вып. 8).
- Кошеленко и др., 2010 — Кошеленко Г. А., Малышев А. А., Улитин В. В. Торговля // Античное наследие Кубани / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М.: Наука. 2010. Т. II. С. 257–289.
- Лопатин, Малышев, 2002 — Лопатин А. П., Малышев А. А. К вопросу об античном керамическом импорте в Закубанье в VI–II вв. до н. э. // ИАА. 2002. Вып. 8. С. 33–40.
- Лосева, 1962 — Лосева Н. М. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре // Пантикапей: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И. Б. Зеест, И. Д. Марченко. М.: АН СССР, 1962. С. 195–205 (МИА. № 103).
- Лимберис, Марченко, 2000 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. «Мегарские» чаши из меотских погребений Прикубанья // Старый Свет: археология, история, этнография: Сб. ст. / Под ред. В. Б. Виноградова. Краснодар: КубГУ, 2000. С. 4–18.
- Лимберис, Марченко, 2005 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 219–324.
- Лимберис, Марченко, 2010 — Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // СИМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия: Сб. ст. / Ред. совет: Р. М. Мунчаев, Д. Браунд и др. М.; Киев: ИА РАН, 2010. Вып. 1. С. 152–163.
- Покровский, Анфимов, 1937 — Покровский М. В., Анфимов Н. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV века до н. э. по III век н. э. // СА. 1937. № 4. С. 265–275.
- Усачёва, 1978 — Усачёва О. Н. Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 1978. № 156. С. 100–107.
- Цокур, 2004 — Цокур И. В. Раскопки курганной группы Пластуновская-53 // МИАСК. 2006. Вып. 4. С. 125–165.
- Courby, 1922 — Courby F. Les vases grecs á reliefs. Paris, 1922. 598 p.
- Edwards, 1975 — Edwards C. R. Corinthian Hellenistic Pottery. Princeton (NJ): American School of Classical Studies at Athens, 1975. 254 p., 86 pl. (American School excavations. Vol. VII, part III).
- Finkielsztejn, 2001 — Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponyms amphorique rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C environ. Premier bilan. Oxford, 2001. 260 p. (BAR. Int. S.).
- Rotroff, 1982 — Rotroff S. I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported moldmade bowls. Princeton (NJ): American School of Classical Studies at Athens, 1982. 136 p., 99 pl. (The Athenian Agora. Vol. XXII).

Moldmade “Megarion” Bowl from Elizavetinskaya Settlement

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

The article is devoted to a moldmade “megarion” bowl which was accidentally found at the territory of Maeotian fortified settlement at Elizavetinskaya Cossack village (Prikubansky District of Krasnodar city). At the Hellenic epoch moldmade “megarion” bowls were extensively imported to the Northern Black Sea Region. There they gained popularity among the local barbarian population. Distribution area of the moldmade bowls at the Kuban region is relatively wide but they are rarely met at the sites of the local barbarian population (Maeotae and Sarmatians). The vessel from Elizavetinskaya is attributed to the class of relief bowls with vegetal and floral ornament. The allocation of the ornament in horizontal zones is peculiar to bowls of “Ephesian-Ionian” group. Its shape and proportions are more compliant to Attic examples. By morphological and ornamental attributes the bowl is most probably dated to a period between the last quarter of the 3rd century BC — the first quarter of the 2nd century BC.